

УДК 1(091), 13.0, 17.0

В.А. Серкова

МЕТОД КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В РАБОТЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА «В ПОИСКАХ ВЫМЫШЛЕННОГО ЦАРСТВА»

V.A. Serkova

METHOD OF DESIGN OF HISTORICAL EVENTS IN WORK OF L.N. GUMILEV "IN SEARCHES OF THE INVENTED EMPIRE"

Аннотация

В статье анализируется раннее произведение Л.Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства». Проводятся параллели между методологией Гумилева и некоторыми аналитическими процедурами в современной ему западной философии, в частности с методом фальсификационизма К. Поппера, исторической герменевтики Х.-Г. Гадамера, методом деконструкции Ж. Деррида.

Ключевые слова

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ, ГЕРМЕНЕВТИКА, КОНСТИТУИРОВАНИЕ, ДЕКОНСТРУКЦИЯ.

Abstract

In article the content of early work of L.N. Gumilev "In searches of an invented empire" is analyzed. The parallels are held between methodology Gumilev and some analytical procedures in modern to him the western philosophy, in particular, a method of falsification of K. Popper, historical hermeneutics of H.-G. Gadamer, a method of a deconstruction of J. Derrida.

Keywords

METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH, FALSIFICATIONS, HERMENEUTICS, CONSTITUTION, THE DECONSTRUCTION.

Произведение Льва Николаевича Гумилева «В поисках вымышленного царства» занимает особое место в творчестве великого русского историка. Оно было опубликовано в 1970 году и вызвало большой интерес у читающей публики.

До сих пор спорят о жанре этой книги — настолько необычны предмет исследования и метод изложения. Гумилев реконструирует историю государства, само существование которого серьезные историки подвергают сомнению. И это не фикционализм в обычном своем воплощении в художественном произведении — Гумилев не сочиняет историю, а пишет ее *as if*, «как если бы это произошло», ведь историк должен исследовать то, что случилось в действительности.

В книге излагается история многих степных этносов, в частности шато и киданей (позднее они станут известны как тюрки и монголы). Гумилева интересует время существования государства киданей, основателем

его историк считает Елюй Даши династии Ляо империи Сунн. Киданьская империя является для Гумилева тем легендарным государством «пресвитера Иоанна», о котором сохранились недостоверные и противоречивые свидетельства древних источников.

Итак, исходная цель исследования — историческая реставрация событий IX–X веков на пространствах Великой степи. Это задача сама по себе титаническая. Но цель исследования Л. Гумилева парадоксальна по своей сути: он берется реконструировать историю государства, «которого не было». Для чего исследователь ввергает себя в столь сомнительное с точки зрения академической науки и здравого смысла предприятие? Задача исторической реконструкции осложняется еще и идеологической подоплекой событий, ведь в Великой степи сосуществуют и сталкиваются идеологии многих религиозных систем и конфессий. Проблема, поставленная Гумилевым: могло ли в XI и

ХII веках христианство стать той системой ценностей, которая определила бы расстановку сил в кара-киданьском государстве. Но по ходу своего исследования Гумилев решает и задачу, определявшую весь круг его научных интересов, — он стремится преодолеть представления о мнимой застойности кочевых народов Срединной Азии, пытается «опровергнуть обывательское мнение о пресловутой неполноценности кочевых народов Центральной Азии, якобы являвшейся китайской периферией. На самом деле эти народы развивались самостоятельно и интенсивно» [1, с. 29]. Гумилев реконструирует основы идеологической системы огромного пространства, на котором сосуществовали ислам, буддизм, местные родовые культы, а также разновидности христианства. В этом конгломерате соперничали мировые религии и древние мифологии. Историк сосредоточил свои исследовательские усилия на том мгновении исторического существования империи киданей, когда все они соединились в феномен, определенный Гумилевым как «степное византийство».

Идея «степного византизма» дала возможность историку увязать в целое множество противоречивых тенденций в расстановке политических сил на пространствах Великой степи. В этом свете преодоление «молчания хроник» об истории государства пресвитера Иоанна [Там же. С. 64], т. е. реконструкция истории «несуществующего царства», по-новому объясняет «существующее», подтвержденное источниками.

Итак, Гумилев берется воспроизвести то, что скрывается за «царством Иоанна в трех Индиях». «На самом деле, — признает Л.Н. Гумилев, — его не было, но идея его существования, его необходимости и даже возможности осуществления возникла и играла роль в политической и военной истории Азии. Христианское царство, возглавляемое царем-священником, — только мечта восточных христиан, но эта мечта была настолько действительна, что <...> многим начала казаться реальностью...» [Там же. С. 100].

Вообще, процесс научного конституирования (утверждения порядка) фактов связан, кроме всего прочего, с радикальной переоценкой значения реальности, объективности. Очевидность происходящего, т. е. того, что имеет место, может быть изначальной, а может быть сложно структурированной и потому сложно реконструируемой. В этом свете задача Л.Н. Гу-

милева имела два аспекта: с одной стороны, это историческая проблема восполнения пробелов аутентичных источников, с другой — философская проблема «оправдания метода».

Следует признать, что в последнее время такого рода научную практику перестали причислять к разряду авантюрных затей. Если раньше подобные эксперименты в академической среде ученых исследователей, будь то в исторической, искусствоведческой или филологической науке, ничего, кроме презрительного и высокомерного отношения, не вызывали, то теперь историческая реставрация предполагаемых событий перестала быть курьезом и вызывает интерес у философов-методологов. В теории К. Поппера, П. Фейерабенда, Э. Гуссерля, Х.-Г. Гадамера, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида можно найти методологический арсенал, позволяющий оправдывать такой деликатный исходный материал, который мы можем определить как «воображаемое», «фантазм», «фикция» или, как в данном случае, историческая фальсификация, даже заблуждение, ошибка.

Первым в списке методологов, допускающих ценность «фаллибилизма», или не признанной в научном мире интерпретации событий, является К. Поппер. Свой метод Поппер называет «фальсификационизмом», а его основу определяет как «принцип фальсифицируемости». Он полагал, что полная обоснованность и достоверность знаний в науках, и в так называемых точных, и в гуманитарных, недостижимы, поэтому любая теория впоследствии может быть опровергнута, а значит, единственно надежным свойством ее является потенциальная опровержимость, «фальсифицируемость». Следовательно, нет недоступных для критики систем науки, или парадигм, и попытки отойти от устойчивых догматических представлений в науке всегда должны приветствоваться и даже культивироваться.

«Здесь отстаивается точка зрения, согласно которой все законы и теории являются по существу своему временными, предпочтительными или гипотетическими даже в случае, когда мы не способны сомневаться в них» [2, с. 51].

Его теория фаллибилизма удивительным образом коррелирует с хорошо организованным здравым смыслом, хотя Поппер полагает, что его следует дополнить теорией «предположительного знания»: «Я большой поклонник

здорового смысла и утверждаю, что он по существу самокритичен. Но хотя я готов до конца отстаивать существенную истинность реализма, основанного на здравом смысле, я в то же время считаю основанную на здравом смысле теорию знания грубейшим субъективистским заблуждением. Это заблуждение подчинило себе всю западную философию. Я предпринял попытку искоренить его и заменить его объективной теорией знания, по существу предположительного (conjectural) знания. Может быть, это притязание и дерзко, но я не приношу за него извинений» [3, с. 1].

В работе «Нищета историцизма», посвященной проблемам гуманитарного знания, Поппер пишет о необходимости «согласования априорной дедукции с историческим свидетельством», именно это превратит тенденцию развития событий (род научного предсказания) в исторический закон [4, с. 139]. Но ведь само по себе историческое свидетельство является главной проблемой в исторической науке. Главная трудность, с которой сталкивается в своем исследовании культуры кочевых народов Л.Н. Гумилев, — это необходимость восполнения «пробелов аутентичных источников» [1, с. 25]. Именно работа с историческими свидетельствами, или фактологической базой, определяет сложности методологии исследования. Проблема в общем состоит в том, что в истории нет «чистого факта», а возможны только разнообразные формы его конструирования. Даже свидетель события является не более чем его комментатором, представляющим событие в одной из множества его интерпретаций. Как пишет Гумилев, «на поверхности явления видны только последствия глубоко скрытых причин» [Там же. С. 61]. С этой точки зрения очевидно, что проблемы историографии коренятся в самой природе описания фактов и событий, которые представлены в форме явлений, т. е. как определенные (модифицированные) сознанием значения и смыслы произошедшего и происходящего. Именно поэтому не всегда можно проверить свидетельства и современных нам источников, отсюда информационные войны, проблемы лжесвидетельства, идеологические атаки. Что уж говорить о сведениях, сообщаемых древними авторами, их «нельзя принимать без исторической критики, которая редко может быть достаточной в силу отрывоч-

ности сведений и изолированности источников друг от друга» [Там же. С. 23]. Все это и порождает проблему преодоления «беспомощности перед источниками» [Там же. С. 94].

Факты минувшего оказываются доступными нам по ограниченному количеству источников и многочисленным комментариям и изложениям. Самая надежная источниковедческая фаза представлена «войнами и договорами, законами и реформами, сведенными в синхронистическую таблицу»; именно они «позволяют историку путем сложного анализа сначала вскрыть мотивы событий, а затем синтезировать ход процесса, что и будет венцом исторического исследования» [Там же. С. 61–62].

При реконструкции событий кочевого мира, мало отраженных в исторических хрониках, определенную роль могли бы сыграть факты из параллельно развивающейся истории западного мира. Это позволило бы хоть как-то уменьшить «белое пятно истории» народов Великой степи [Там же. С. 63]. Сличая разнообразные источники, вскрывая мотивы поступков и их оценки, историк интуитивно или методологически вполне осознанно *еще раз* конструирует событие. Методологическая проблема состоит в ответе на вопрос, будет ли это описание отличаться по степени объективности от других свидетельств, коль скоро ученый претендует на понимание особого рода — научную объективность? Будет ли описание непосредственных свидетелей обладать преимуществами перед современными солидными академическими исследованиями? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Ученый в этом свете представляется только более осторожным рассказчиком, который осознает, что описанная им история по преимуществу является конструкцией *als ob*.

Задачи, которые ставит перед собой Гумилев в реконструкции событий средневекового государства пресвитера Иоанна, обращают нас и к классическим герменевтическим проблемам, в наиболее законченном виде представшим в герменевтической теории Х.-Г. Гадамера.

Суть герменевтики состоит в попытке решения проблем, связанных с «онтологическим переплетением первоначального и репродуцируемого бытия» [5, с. 184], бытия, воспроизведенного в том числе в науке. Это в общем является свидетельством того, что герменев-

тические проблемы с неизбежностью возникают перед любым ученым. Потому «задача герменевтики предстает перед ним как задача универсальная» [5, с. 237]. В этом отношении Л.Н. Гумилев является классическим герменевтиком-истолкователем не только по объему своей научной деятельности, но по масштабам личности. Этимологически значение этого направления в философии, которое приобрело законченную и теоретически последовательную форму в учении Х.-Г. Гадамера, восходит к имени греческого бога Гермеса, посредника между людьми и богами в истолковании слов и воли последних. В общем смысле понятие «герменевтика» применяется для объяснения процессов понимания, приобщения к традиции, общения не только с другими людьми, но и с самим собой. В герменевтике понимание представляется сложным процессом истолкования событий, форм и структур их осознания, способа их «духовного производства». Эти процессы описаны в самом значительном труде Гадамера «Истина и метод». В нем показано, что идеалы научности не следует выводить, ориентируясь на естественные науки. Аргумент Гадамера в обосновании особенности, специфичности гуманитарной области состоит в том, что цель здесь — это понимание явления в уникальной «однократной и исторической конкретности», как неповторимого события, однажды свершившегося. И парадоксально то, что это уникальное событие в истории встраивается в процесс непрерывного истолкования. Тем самым прошлое событие беспредельно расширяет границы своего существования в процессе своего бесконечно перетолкования. Оно в силу своей значимости продолжает длиться в «вечном настоящем». Постигая событие, ученый утверждает его в истории. При этом дистанция между событием и интерпретатором не упраздняется, она принципиально неустранима. Исторические ситуации могут разделять тысячелетия, и потому смысл события всякий раз «производится» заново. Любой ученый, согласно Гадамеру, по преимуществу герменевтик. Существует множество способов понимания, и никому не дано объявлять, что ему открылась истина «в последней инстанции». Работа «Истина и метод» Гадамера заканчивается словами: «Плох тот герменевтик, который воображает, что он может или должен был бы сохранить за собой последнее слово» [Там же. С. 646].

Образцом для герменевтической формы любого вида научной деятельности выступает произведение искусства или «большое событие» в культуре. В лингвистике есть термин «экфрасис», который означает описание события или явления в совершенной форме, т. е. в художественной. Гадамер разделяет мнение Гегеля о том, что искусство выделяется из всех видов духовной деятельности именно тем, что в нем исключается всякая «случайность действительности», устраняется «невразумительность сырого факта» [Там же. С. 256]. Исторические исследования Льва Гумилева и представляются такими совершенными образцами хорошего, добротного русского языка, и прежде всего Гумилев — наследник и продолжатель традиции акмеистической литературы. Его исторические исследования являются по преимуществу образцами письма-экфрасиса.

Гадамер в качестве основы исторической герменевтики выдвигает требование «держаться в определенных границах уместности» [6, с. 257]. Причем эти границы определяются непосредственно-интуитивно, что не исключает того, что за этой непосредственностью всегда стоят вкус, воспитание, образование, уровень интеллекта, искушенность и прочие. составляющие духовного опыта. И здесь Л.Н. Гумилев является образцом ученого с феноменальной интуицией, которая позволяет ему восполнять пробелы исторического свидетельства.

Итак, практика герменевтического истолкования не исчерпывается ни наличием исходного текста исторического события, ни множеством вариативных комбинаций комментирования. Герменевтическая практика осуществляется в произведении Гумилева «В поисках вымышленного царства» как чистый эксперимент предъявления наличного при невозможности сличения его с «первособытием». Разумеется, и Гумилев отдает себе в этом отчет, методологические риски здесь достигают своего апогея. Воспроизводимое Гумилевым событие — это «модифицированные значения полагаемого», т. е. вариативные формы некоторого исходного исторического содержания, того, что не может осуществиться помимо этого усилия ученого. Оно не существует в качестве какой-либо объективной обналиченности, как некоторая природная форма. То, что имеет значение «объективно существующего», с позиции герменев-

тика вопрос не Достоверного существования. Подлинно существующим является наполнение этого неопределенного существования смыслами. Но что дает основания ученому полагать, что его практика в данном случае является все-таки родом научной деятельности?

С точки зрения классического герменевтика, государство пресвитера Иоанна — это такое неизвестное, которому мы уже приписываем определенные атрибуты: предположительно существующее, о чем нет сведений или они не Достоверны или даже сфальсифицированы. Это «объективно несуществующее» оказывается предметно обозначенным, как говорят философы, «положенным», т. е. открытым для того, чтобы наполнять его определенными свойствами, и тем самым для выхватывания этого предмета из темноты абсолютно неизвестного. Другими словами, мы уже придали ему некоторый смысл, совершенно меняющий суть дела. Если далее мы будем опровергать концепцию Гумилева относительно существования этого государства, то даже в своих опровержениях косвенно будем онтологически подтверждать предмет дискуссии. Это обычный ход герменевтической процедуры исследования. Важное для нас состоит в том, что, если бы сведения об истории государства Иоанна подтвердились каким-либо образом, это вовсе не меняло бы характера аналитической работы с ним — все исследование строилось бы в том же духе, и все так же наполнялось бы характеристиками, соположенными с начальной гипотезой о его существовании (или не существовании). В герменевтическом анализе начальное событие располагается в поле множественных смежных комментариев. Изначальный текст — формальная причина множества других текстов и в то же время их неустрашимый фрагмент.

Философы-постмодернисты соглашаются в целом с представителями герменевтических теорий в том, что в современной культуре абсолютно равноправны и те, кто признает фальсифицированный феномен, и те, кто его отрицает, потому что все они выполняют свою основную роль — дают повод для новых исследований. В постмодернистской науке истина признается принципиально недоступной, она также учреждается, конституируется, как и факты, всеми, кто имеет доступ к ее производству и способам распространения.

Постмодернист Ж. Бодрийяр в определенном смысле изобрел понятие «симулякр», означающее природу мира, утратившего онтологическую устойчивость и определенность. В своей философской системе Бодрийяр придавал ему статус основополагающей категории. Одно из значений этого понятия — предмет-подмена, суррогат, в некотором смысле обладающий большей реальностью, чем первообраз, поскольку экзистенциальной силы в нем может содержаться больше, чем в исходном образце. Бодрийяр исследует целый комплекс явлений, порождающих эффект симулякра, — рекламу, средства массовой информации, гаджеты, моду, образ жизни.

В капитальном труде философа-постмодерниста Ж. Делёза и психоаналитика Ф. Гваттари «Анти-Эдип» исследуются еще более масштабные способы производства симулякров — точное производство массового сознания.

Если в науке провокативность суждения и мнения может оправдываться как мыслительный эксперимент, то в реальной политике такое экспериментаторство безнравственно и разрушительно, поскольку в качестве аргументов и контраргументов в ход идут сотни и тысячи жизней. Мы все являемся свидетелями следствий такого «порядка вещей»: все самые крупные политические события — «цветные» революции, грузино-абхазская война 2008 года, все провокации и инсинуации последнего времени, их бурное обсуждение на ток-шоу — это не что иное, как проявление онтологических устоев современной культуры.

В произведении французского постмодерниста Ж. Деррида «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только» [7] блестяще анализируется опыт порождения симулякров, и это находится в прямой аналогии с экспериментом Л.Н. Гумилева.

Как будто бы задача, поставленная в этом произведении, строго академическая — исследовать одно из писем Платона, а именно то, в котором он обращается к сиракузскому тирану Дионисию и вспоминает события своего пребывания на Сицилии. Это путешествие едва не закончилось для Платона трагически: тиран, поначалу благосклонно внимавший речам своего знаменитого гостя, как только Платон ему наскучил, отвез его на ближайший остров и чуть было не продал престарелого основателя академии в рабство.

В ученом мире давно сложилось мнение, что это письмо является несомненной фальсификацией. Тем не менее именно с того пункта, на котором закончил бы свой анализ академический исследователь, Деррида начинает свою работу. Его рассуждения разворачиваются по следующей логической схеме: если кто-то полагает, что это письмо Платона – фальсификация, он тем самым утверждает неявным образом, что знает, как различить в этом конкретном случае настоящее и подделку. То есть, утверждая, что известный предмет анализа – неподлинное, фальсифицированное письмо, мы тем самым выдаем векселя на то, что знаем и можем предъявить *подлинное письмо*. Таким образом, обычные процедуры, заложенные в рутинном историко-философском исследовании, не раскрывают той доли абсурдности, которая в нем содержится до того момента, когда мы «додумываем» программу этого исследования до конца. Деррида критикует академическую науку не выборочно и осторожно («слегка подтасовывая кое-что») [7, с. 139], а, напротив, систематично и последовательно. (Зафиксируем в этом месте пафос постмодернистского исследования – метод чистой критики ничего не стоит, если за ней не стоит интенция конгениального чистого творческого акта.) И работа, проделанная Л.Н. Гумилевым, в полной мере соответствует постмодернистской экстремальной исследовательской стратегии. Реконструкция событий – это императив исследователя, который должен рассказать о нем даже в том случае, если это событие кануло в Лету. Оригинальность и пафос научной деятельности историка Гумилева состоит в стремлении прочитать события прошлого во что бы то ни стало. Казалось бы, профессиональная этика историка требует обратного – отступить и признать невозможность знания в этом конкретном случае. Но это на первый взгляд, от которого скрыто пока что следствие, возникающее в академической науке по поводу любого критического оценочного суждения. Вообще говоря, здесь речь идет не только о новой профессиональной логике исследования, но и о совершенно иной этике, еще только утверждающейся в научной среде.

Сегодня история становится самой интересной и самой этически наполненной областью знания именно потому, что снимается

запрет на сослагательное наклонение в истолковании фактов. Только в этом случае «история чему-нибудь учит». Употребление такого привычного и казавшегося безобидным и даже не слишком наполненным понятия, как «истинное событие», или «объективный факт», или «реально произошедшее», теперь обязывает к освоению новой исследовательской методологией и, что еще более важно, призывает к практике действительно реализованного предъявления «истинного». Истинное – это не минувшее, на которое можно поглядывать с равнодушным прищуром, история – это истинное, это факт всегда действительного существования, т. е. того, что разворачивается по гегелевской формуле «существование плюс подлинность этого существования».

На основе критики седьмого письма Платона, где рассказывается история путешествия прославленного философа к сиракузскому тирану, которого основатель академии взялся обучать философии и заодно хорошему управлению государством, Деррида проявляет благородный авантюризм, находящийся в близком родстве как с тем, что предпринял Платон, так и с тем, что осуществляют историки новой формации – те, для кого историческое событие перестало быть фетишем, а реконструкция исторического прошлого – методологически напряженная работа, что-то вроде шахматной игры, в которой на кон поставлена научная репутация и возможность быть причастным к научному сообществу, наконец, просто доброе имя ученого.

Исследования Льва Гумилева отражают многие методологические прорывы философии науки XX столетия (в герменевтике, феноменологии, теории «фальсификационизма», аналитике постмодернистов), и основные узлы этих исследовательских практик мы находим в его блестящих работах. Методология Гумилева – это не догматическая и мертвая схема, но практический способ исследования самых сложных фрагментов мировой истории. Метод его получает оправдание потому, что большой ученый не боится перейти грань, за которой каждый шаг осуществляется с огромными рисками. И, зная перипетии жизненного и профессионального пути великого русского исследователя, не стоит удивляться, как много пришлось ему заплатить за звание ученого-историка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гумилев, Л.Н.** В поисках вымышленного царства [Текст] / Л.Н. Гумилев. — М.: Т-во Кадышников, Комаров и К^о, 1992.
2. **Popper, K.** Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge [Text] / K. Popper. — 3-d ed. — L., 1969.
3. **Поппер, К.** Объективное знание. Эволюционный подход [Текст] / К. Поппер. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.
4. **Он же.** Нищета историцизма [Текст] / К. Поппер. — М.: Прогресс, 1993.
5. **Гадамер, Х.-Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. — М.: Прогресс, 1988.
6. **Он же.** Актуальность прекрасного [Текст] / Х.-Г. Гадамер. — М.: Искусство, 1991.
7. **Деррида, Ж.** О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только [Текст] / Ж. Деррида. — Мн.: Современ. литератор, 1999.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СЕРКОВА Вера Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
тел. (812) 534-75-21 (кафедра)
henrypooshel@rambler.ru

SERKOVA Vera A. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
195251, Politekhnikeskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia
henrypooshel@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013